

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОГЕНЕЗА ЖИТЕЛЕЙ ПИНСКОГО РЕГИОНА. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТОПОНИМЫ

Вячеслав Панковец

ОО «Западнополесское научно-краеведческое общество «Загородье»», Пинск,

Беларусь

sbereginiya@gmail.com

В статье рассмотрены особенности этногенеза жителей Пинского региона. Автор обращает внимание на названия водоемов и населенных пунктов. Многие из них имеют аналогии на землях полабских славян.

Ключевые слова: Пинск, Пина, пиняне, пинчуки, Полабье, славяне, топоним, гидроним, язык, история, племя

FEATURES OF ETHNOGENESIS OF THE RESIDENTS OF THE PINSK REGION. REGIONAL TOPONIMES

Vyacheslav Pankovets

The article discusses the features of the ethnogenesis of the inhabitants of the Pinsk region. The author draws attention to the names of reservoirs and settlements. Many of them have analogies in the lands of the Polabian Slavs.

Key words: Pinsk, Pina, Pinyans, Pinchuks, Polabie, Slavs, toponym, hydronym, language, history, tribe

История любого селения, большого или малого начинается, как правило, с истории его названия. Ибо за названием часто скрываются события, проливающие свет на целые исторические эпохи, на историю народов и государств. У каждого названия есть мотивация. Она может быть прозрачной и понятной, но часто бывает так, что в силу особенностей человеческой памяти логика названия утеряна. Таковы результаты фактора времени. Это с одной стороны, а с другой, не менее важной, является отсутствие у того или другого народа зафиксированных в той или иной форме исторических событий, названий, людей. И тогда рождаются мифы.

Даже римляне, историографии которых может позавидовать каждый европеец, и те не обошлись без мифологизации истории, связанной с возникновением их столицы. Причем на первый взгляд это миф чистой воды ибо легче представить, как волчица съест грудных младенцев, чем вскормит их своим молоком. Так что мотивация дать селению на Тибре имя одного из вскормленных волчицей близнецов очень сомнительна.

В этом отношении повезло Парижу. Миф здесь не понадобился, потому что селение Париж возникло на том месте, где жило галльское племя паризии. Очень прозрачная и логичная мотивация.

Но обратимся к нашей истории. Начнем с «матери городов русских» Киева. Как и две предыдущие столицы Киев также расположен на реке. И даже известно происхождение названия реки. Происхождение названия скифское. Будем благодарны за это Геродоту, который жил и писал свою историю и географию во времена, когда еще Дарий воевал со скифами. А вот о Киеве у Геродота мы ничего не находим, поэтому история его возникновения и названия, как и Рима, скорее всего мифологизирована. Много общего. Есть и братья. Только их не два, а трое – Кий, Щек и Хорив. И они в отличие от Ромула и Рема уже взрослые. А дальше идет строительство на Днепре как и на Тибре. А вот участие волчицы в этом процессе исключено и это придает истории возникновения и названия Киева больше правдоподобия, чем в случае с Римом.

Начав с Рима, Парижа и Киева я перехожу к селению с более скромным статусом. Возможно, в Риме и Париже о нем знают не очень многие из коренных римлян и парижан, но в Киеве о нем хорошо знают уж точно. Потому что это селение – это бывшая столица одного из четырех княжеств, которые были основой Киевской Руси. Я имею ввиду Киевское, Черниговское, Пинско-Туровское и Волынское княжества. Ушла в прошлое эпоха Киевской Руси и ее уделов. Но нам повезло. Не канула в небытие ее история, а вместе с ней и свидетельства ее прошлого. Киев вернул себе статус столицы. Чернигов и Луцк – областные центры независимой Украины. А мы один из центров районного уровня Беларуси. Но историческая память о его статусе в прошлом живет до наших дней и отречься от нее пинчуки не согласились.

Теперь у него, хотя и неофициальный, но общепризнанный статус столицы Полесья. А по богатству исторического наследия – это второй город в Беларуси после Гродно. У этих городов есть свое лицо и душа. В Гродно я одно время жил, но по рождению я пинчук. Я помню Фару Витовта в Гродно и костел Святого Станислава в Пинске до того, как их взорвали освободители. В то время на уроках истории меня очень огорчало, что она, т.е. история, была и есть где-то в других краях, а ни мы ни наши места не присутствуют в ней. И я не понимал, что в это же время наша история уничтожается на наших глазах, а нам навязывается комплекс «тутэйших». То есть людей без истории, без культуры, без языка. Я уже не говорю о государственности – какая государственность может быть у туземцев.

По прямой от хутора, где я родился, до Пины два с половиной километра. Но в свое время до Пины от нашего хутора можно было доплыть лодкой, плоскодонкой. Потому что меньше, чем в ста метрах от нашего двора протекала Жорнувка. Когда она разливалась, то вода доходила до нашего гумна. Лодки у нас не было. Но она была у Старого Вырака. Его полухутор был за полкилометра вниз по Жернувке на самом ее берегу, а «човын» был навязан к ольхе. Старый Вырак был, кстати, двоюродным братом моей прабабушки по матери.

Жорнувка за менее чем километр от села впадала в Стругу, очень даже приличную во всех отношениях реку – и вода в ней была чистая-чистая и рыбы было полно. А Струга за два с половиной километра от села впадала в Пину. Так что «човнэм» можно было доплыть не только до Пинска или Киева, но и до Черного моря. Но в школе нам рассказывали, что хождения за моря совершал какой-то Афанасий Никитин.

Пина от нас недалеко. Но Струга под боком. Пину обычно мы называли только рекой, а вот Стругу всегда только Стругой. А берет начало наша Струга у деревни, которая называется Застружжэ. Нам бы хотелось называть нашу Стругу рекой, но до такой реки как Пина она не дотягивала. В обиходе Стругу можно было бы называть рекой, то тогда статус ее был бы понижен. А Стругу мы очень любили. И название было красивое. Название мы связывали с характером водного потока. Он был довольно быстрым, до Струги было преимущественно песчаным, вода прозрачной и водный поток вызывал ассоциацию с действием – строгать. То есть вода «стружэ» дно, пробивая себе русло. Отсюда Струга.

Но вот в одночасье мы узнаем, что наша Струга – это никакая не Струга, а Филипповка. Откуда и что? Где мотивация? Названы, правда, Стругами речки и в других местах, но это не причина, чтобы нашу Стругу назвать Филипповкой. Кстати, если уж на то пошло, то по-настоящему новое название должно бы звучать Пыльпывка или Пыльпывка, потому что у нас не говорят Филипп, а Пыльп. В то время я еще ходил в школу, поэтому соображений у меня по поводу переименования Струги в Филипповку не было и я обратился с вопросом к отцу. Отец долго думал, а потом сказал: «Скошэ за всэ, що якыйсь прыдурок Пыльп втопивса у Струзи, а другый прыдурок у шапци як у Сталина (читай советский начальник) назвав його ймэнням нашу Стругу».

У нас, кстати, никогда не возникало вопросов и в отношении названия Пины. Пина – это же ясно. Это то, что по-белорусски и по-русски пена. То есть – характер состояния водного потока. Когда водный поток быстрый, то вода пенится. Мне могут возразить, что течение Пины не быстрое. Это правда. Но здесь главное, что название связано непосредственно с водой. У нас она не пенится, а вот, скажем, в другом месте, где река также называется Пиной, течение у нее побыстрее и пена (по-нашему пина) на ее поверхности образуется.

В последних краеведческих изданиях по нашему региону вопрос о происхождении названия реки Пина не поднимается. Впервые же с попыткой объяснить происхождение названия Пины я столкнулся еще в прошлом веке. Мотивация названия реки была абсурдной с точки зрения пинчуков. Причем как тех, кто абсолютно не имеет представления о таких высоких материях как латынь, так и тех, кто об этом кое-какое представление имеет.

Дело в том, что автор публикации в краеведческом издании связывал гидроним Пина с латинским названием сосна (по-нашему – хвойна) – pinus. Интересно было бы спросить у автора, где он узрел в пойме Пины сосны, это во-первых, и где он услышал, чтобы пинчуки хвойну (сосну) называли, скажем, пиниями. Автор изысканий в области этимологии названия реки или по невежеству или умышленно не сообщил читателям, что существует не одна река с названием Пина. Более того по берегам той другой Пины, жили в свое время как и по берегам нашей Пины ныне тоже пинчуки, но ни назывались несколько иначе, хотя и очень похоже. И этими пинчуками было полабское славянское племя Чрезпиняне. То есть пиняне, которые живут через Пину или за Пиной. А по соседству с ними примерно на таком же расстоянии, как между нашими Пиной и Ясельдой по реке Укре жили украинцы. А дальше мы видим их соседей Волынян, Полян, Деревлян. В общем полный набор племен, которые фигурируют как основа Киевской Руси. Представьте себе, что и размещены эти племена в Полабье почти идентично с тем, как они размещены на землях Киевской Руси. Чрезпиняне севернее, а волыняне, деревляне и поляне – южнее. К нашей части надо сказать, что в немецких хрониках как раз племя Чрезпинян входит в число самых воинственных. Я не буду вдаваться в подробности описания и мест обитания (см. карту) полабских славян, потому что для людей компетентных – это не открытие. А то, что хочу сказать в этой связи – это попытка обратить внимание на очень существенный факт нашей истории, который подтверждает современную концепцию нашего этногенеза, истории и государственности. В отношении этих аспектов есть много спекуляций со стороны наших соседей. И спекуляции эти чаще всего заканчиваются для нас драматически, если не сказать больше. У нашей истории имеется очень серьезная проблема. Мы не имеем своей собственной историографии за дохристианский период. То есть историографии не имеют и наши соседи как с Запада, так и с Востока. Вся причина в том, что славяне выпали из римского цивилизационного процесса и графической письменности не имели. Скажем, письменность у полабских славян была узелковой. Поэтому историческую информацию о себе в дохристианский период мы черпаем в основном из иностранных хроник: германских, арабских, византийских, скандинавских саг. Наш первый собственный исторический документ – это Повесть временных лет. Но документ этот не достоверен, он писался спустя почти триста лет после описываемых событий, поэтому ни о какой хронологии речи там идти не может. А летопись без хронологии – это скорее миф. Более точные сведения мы черпаем с иностранных источников за соответствующий период. В нашем случае большую роль играет археология, а также топонимика, гидронимы, патронимы.

Итак, мы начали с гидронима Пина, поэтому вернемся опять к нему, к топонимике и географии. Теория балтского субстрата при формировании белорусов как этноса теперь уже аксиома. Но есть большая проблема в том откуда шла в ареал балтов миграция славян официальная историография придерживается юного направления. Да, конечно, если иметь ввиду вообще движение индоевропейцев и региональные подвижки сосуществующих этносов. Но балты тоже индоевропейцы. А значит это ранняя миграция. Но нас интересует миграция поздняя, когда славяне как этнос уже можно сказать сформировались, но таких народов как белорусы (литва) и украинцы (русь) еще нет. А есть поляки, и восточные славяне, и еще Полабье. Это не поляки, но тоже славяне – западные по отношению к полякам. Существование же южных славян, скажем в III-V веках нашей эры сомнительно. Разве что в пределах Полабья сорбы могут быть южным племенем славян по отношению к ранам и хижанам.

Но конкретно для меня – пинянина (я тяготею к исторической форме) интересно среднее Полабье. Поэтому предлагаю карту той эпохи, когда этот регион был заселен западными славянами. На этой карте фигурируют основные племена. Число же их гораздо больше. И что мы видим на этой карте еще? А видим мы здесь ... Пину (Piana), видим обитателей на ее северном берегу – пинян (Czeczpinianie), видим Dumin, видим Kaklo, видим приток Piana(ы) Trebel и озеро Komorowskie. А южнее течет река Wkla и на ее берегах живут украинцы. Это зафиксировано на более подробных картах, которыми я располагаю.

А теперь посмотрите на северную карту Германии (федеральная земля Мекленбург) в ее северной части. И что мы там видим в наше время? А видим мы там опять Peene (Piana, Пину), Dumin (Дымин-Дывин), видим водную систему Nebel, в которую входит озеро Коморовское, видим Anklam (Naklo), видим приток Peene Trebel и видим город Tietierov (Тетеров).

Начнем с города Тетерова. Его мы не видим на первой карте. Но надо знать, что это бывшая столица чрезпинян. Зато на Украине есть река с одноименным названием. Это правобережный приток Припяти.

Берем следующий город Dumin (Dumin). Он обозначен на обоих картах. У меня есть основания полагать, что такой топоним есть и на нашем Полесье. Это городской поселок Дывин в Кобринском районе недалеко от истоков нашей Пины. И пусть никого не смущает, что по звучанию и значению он не совсем совпадает с Dumin(ом) полабским. Представьте так же, что теперешнее официальное написание и звучание Дывина полесского не совпадает с его звучанием аутентичным. Дывинцы говорят Дывын, йду до Дывына. Мне, конечно, возразят, что Дывин и Dumin – это не одно и то же. Но это еще не аргумент, если в первоначальном звучании слово не было зафиксировано письменно. Тем более, что слова претерпевают разные, в том числе не причинные трансформации. Примеров таких не счесть. Я полагаю, что наш Дывын – это все-таки тоже Dumin, потому что логичнее представить ситуацию, когда для человека важнее конкретное слово дым, чем абстрактно-восторженное понимание диво. Не до дива было в ту эпоху нашим предкам-переселенцам на новые земли. Кроме того надо иметь в виду, что слово дым еще и обозначает понятие дом.

Дальше спускаемся вниз по полабской Piana(e) и видим город Anklam (Naklo). На нашей Пине нет такого города, но у нас есть топоним Макпа. Это не на самой Пине, но не так уж и далеко от нее. Макпой называлась

небольшая пригородная деревня Янова (Иванова), которая теперь уже вошла в черту северо-западной части города.

А теперь перейдем к гидронимам в бассейне современной и исторической Pian(ы) и нашей Пины. И что мы видим? Мы видим на карте поймы Полабской Pian(ы) водную систему Nebel и озеро Komorowskie. Непосредственно в бассейне нашей Пины нет такой системы, но зато на берегу недалекой Припяти мы видим село Невель (по-нашему Нывэль), а на украинской стороне как наз напротив Нывле, неподалеку от Припяти, мы видим озеро Нобель.

На современной карте нашего региона нет озера Komorowskie. Но между Припятью и Пиной недалеко от Нывле имеется урочище Комора. Это наш тогдашний традиционный сенокос. Можно предположить, что в свое время на этом месте существовало озеро Комаровскэ.

Далее. На карте у полабской Pian(ы) мы видим приток Trebel (Trzebel). У нашей Пины нет такого притока. Но зато в десяти километрах от Пинска вниз по Припяти есть деревня Теревень.

На полабском Trebel(e) стоит город Trzebeż (Тжебеж). А в Столинском районе на Горыни мы имеем аж два села Верхний и Нижний Теребежов. Нижний Теребежов – это пограничный переход на Украину.

Имеется группа имен существительных, которые очень продуктивны при их использовании в топонимике. Это прежде всего имена существительные связанные с окружающим нас миром-растительным и животным. Многие из таких топонимов четко указывают на наш этногенез и принадлежность к той или иной цивилизации.

В этой связи для нас очень показательны такие топонимы как Брест, Туров, Каменец, Дубои (не Дубой, а с «и» полным по-нашему: Дубои, но иду до Дубой).

Дубои – это село с большой историей. Оно стоит на старом тракте Пинск-Брест. Сразу же за Дубоями начинается Ивановский район. В настоящее время Дубои известны своим парком в стиле барокко. Но в свое время это был целый усадебно-парковый комплекс с оригинальной водной системой. Кроме дворца на территории усадьбы находился католический монастырь. Но это уже другая история, требующая отдельного рассказа. Я только хочу обратить внимание читателя, что Дюхновичи (теперь Юхновичи) – это моя родная деревня, а с Дубой, что в 4 км от Юхнович, родом моя бабушка по отцу. На примере изменений в названиях этих двух деревень, можно предположить, что и теперишний Дывин мог быть Дымыном.

Но вернемся к топонимике как терминологии. Стругу, которая протекает между Юхновичами и Бродницей называли Филипповкой. Деревню, которая расположена выше по Струге на расстоянии около двух км от Бродницы и когда-то называлась Русичами называли Рыповичами. Мою родную деревню Дюхновичи (так она фигурирует на старинных картах) называли Юхновичами. А Дубои, хот и не очень сильно, но все-таки исказили и называют официально Дубой. А ведь принципиально важно, чтобы топоним звучал и был зафиксирован именно в том варианте, на котором он звучит в данной местности. В противном случае он информативно теряет как в отношении этнолингвистики, так и истории. Есть основания полагать, что то же Дубои в 1636 назывались Дубеши. Но запись в документах в таком варианте не свойственна особенностям местного говора. По-местному это звучало бы скорее как Дубошын. Дубои представляют не только большой культурно-исторический интерес в нашем регионе, но и как топоним сам по себе. Потому что он встраивается в интересный топографический ряд. Находясь в таком ряду как Дубровно, Дубровица, Дубровник, Дублин, Дэмблин он четко указывает на нашу цивилизационную принадлежность.

В этой связи особое место занимает Брест. Опять выстраиваем топонимический ряд: Брест (литовский), Берестовица, Берестечко, Брешия (ит.), Брашов (рум.), Брест (фр.), Бристоль (англ.), Брест-Мазовецкий. В этом ряду я пропустил еще один топоним с названием Брест. Это название местной общины в округе Тетеров федеральной земли Мекленбург теперешней Германии. Не слишком ли много совпадений в названиях топонимов и гидронимов, чтобы не прийти к определенному выводу о неслучайной связи Пинско-Брестского Полесья не только в историческом прошлом, но и в наше время. Возникает закономерный вопрос, почему настолько очевидные факты обходятся вниманием со стороны ученых. И почему, скажем, такие ученые и специалисты по топографии как А.Ф.Рогалев ищут в первую очередь связь с названиями нашего Воложина с Вологодой и Волгой и обходят вниманием тот факт, что в Полабской Пинщине в свое время существовал город Вологощ (Вологость). Теперь этот город называется Wolgast. Ну а что касается Вологды и Волги – так это самый восточный ареал расселения кривичей. Так что ряд Воложин-Вологда-Волга скорее всего не угро-финского, как это пытается доказать А.Ф.Рогалев в своей книге «Назвы Бацькаўшчыны», а чисто славянского происхождения.

Таким образом, исходя из всего выше изложенного, у меня есть все основания утверждать, что прародина обитателей юго-западной части Полесья – это Полабье, а более конкретно – земли славянского племени чрезпинян в бассейне Полабской Pian(ы) (Пины). Не все географические названия перенесли чрезпиняне на свою новую родину. Но большинство из них, и что важно, самые главные они принесли и закрепили на такой похожей на их прежнюю родину, новой земле. И если они принесли названия той, прежней Родины на новую землю, то это значит, что он ту прежнюю Родину очень любили. Но с Родины просто так не уходят.

Самое слабое место в истории славян – это хотя бы более-менее точное время зарождения их как этноса. Они возникли как-то вдруг и, к сожалению, о самих себе мы узнаем больше из исторических хроник наших соседей. Разумеется, что рождение этноса-это процесс очень длинный и сложный. Скажем процесс ославянивания мордвы тянется со времен Юрия Долгорукого до наших дней. Это отрезок времени в тысячу лет.

А мы все еще не понимаем о чем поют «Бурановские бабушки» на музыкальном конкурсе в качестве представителей «славянского государства» России.

Непосредственными соседями на Западе наших предков, я имею в виду Полабских славян, были германцы. Какие у германцев и славян, как у соседей, были взаимоотношения пока они находились на одинаковом общественно-социальном уровне развития можно только предполагать. Вполне возможно, что они даже считали себя родней, поскольку как те, так и другие – это индоевропейцы. Такой уровень взаимоотношений можно проследить по языку, и по бытовой культуре и даже по менталитету и внешности. В том числе и по уровню состояния культуры на то время: как у тех, так и других не было графической письменности. У полабских славян, как уже отмечалось выше, письменность была узелковой. Скорее всего, что тоже самое было и у германцев. До тех пор, пока Рим в результате очень тяжелых войн не покорил германцев. Себе на беду. Потому что это стало началом конца Римской империи. Это эпоха императора Августа и его полководца Германика. Начало нашей эры. Не трудно предположить в какой последовательности овладевали плодами римской цивилизации германцы. Сначала они овладели тактикой римского военного искусства. Стратегия у них сформировалась по ходу разрушения Римской империи. Одновременно германцы овладевали и другими достижениями римской цивилизации. И самое главное – графическим письмом. Отныне больше всего информации о себе мы будем черпать из германских письменных источников.

В процессе завоевания германских земель Рим выдохся и сил у него для продвижения на восток не хватило. Он остановился на рубеже, который стал восточной границей Римской империи, но одновременно и будущей границей, которая разделит германцев и славян. Вполне возможно, что именно с этого момента ускорится процесс формирования славянского этноса в Полабье. Можно предположить, что в этом процесс немаловажную роль сыграла кельтская составляющая как у германцев, так и славян, потому что после включения германских племен в состав Римской империи судьба кельтского субстрата для германцев и славян стала разной. Это можно проследить на результатах латинизации кельтов в пределах Римской империи и кельтского субстрата вне ее границ. Здесь четко просматривается явление системного характера: ареал славянского расселения начинается именно от восточной границы Римской империи и повторно от восточной границы Римской империи и повторяет ее конфигурацию при движении с севера на юг.

Недостаток или отсутствие письменных источников по истории славян восполняется в какой-то мере археологическими данными. Эти данные дают возможность установить различные аспекты той или иной археологической культуры. Мы не будем рассматривать все культуры и субкультуры на территории славянского ареала, а возьмем три основные: Тщинецкую, Вельбарскую и Пражскую. Я их расположил в хронологическом порядке по возрастающей. Думаю, что уже по их названиям складывается картина о месте их зарождения и движении. Все они зародились на западе, а не на юге. Тщинецкая на территории Польши, Вельбарская там же (это движение готов) и Пражская по Днепр включительно с территории теперешней Беларуси и Украины. У этих культур находят и предметы южного происхождения, но это не более чем результат торговых связей, как скажем, фибулы. А фибула – это вам не тип жилища или способ захоронения. Конечно, не просто идентифицировать археологическую культуру с каким-то определенным этносом, но что касается поздних миграционных подвижек, то явно просматривается направление западное.

Активизироваться движение германцев на восток начинает после того, как пала западная Римская империя. Это пятый век нашей эры. По мере нарастания агрессии рос уровень миграции западных славян. Миграция шла в двух направлениях – на восток и на юг вдоль восточной границы Римской империи. Славяне Полабья сражались упорно и мужественно. На первых порах борьба с западным соседом шла с переменным успехом. Эта борьба длилась триста лет. По аналогии с античной Троей, которая десять лет выдерживала осаду ахейцев, известная польская писательница-историк Мария Коссак назвала славянское Полабье эпохи борьбы с германцами «Северной Троей». С той разницей, что борьба эта длилась не десять лет, а целые три столетия. Особенно упорное сопротивление оказывали славяне среднего и северного Полабья. Но в соседстве с Римской империей бывшие варвары-германцы достигли уровня развития, когда такой институт как государство стал формой общественно-социальной организации. А уровень организации славян было племя, в лучшем случае союз племен. Они оказались в такой же ситуации, в какой в свое время были германцы, когда их завоевывал Рим.

Движение полабских славян на юг началось, по-видимому, раньше, чем на восток. И начало это происходить не обязательно в результате германской агрессии. Скорее всего сорбы и лужичане двинулись на юг вместе с германцами, когда те стали разрушать свою бывшую метрополию. Славяне помогали германцам и по мере того, как империя съезживалась заселяли ее юго-восточные провинции. Ситуация в Полабье обострилась позже, а именно с начала 962 года, когда на европейских землях бывшей Римской империи возникла Священная Римская империя. Отныне наступление на своих восточных соседей стало вестись германцами под хоругвями христианизации.

Исход Полабских славян на восток носил не разовый характер, а происходил по мере завоевания германцами их земель. Уходили не все. Часть погибала в сражениях, часть оставалась. Уходили те, кто не хотел покориться врагу. Благо уходить было куда. Судя по всему, уходили племенными союзами, если иметь в виду их размещение в Полабье, а затем на новых землях. Полабские пиняне уходили вместе со своими соседями украи, полянами, вольнянами и древлянами. Как раз они и входили в одно межплеменное объединение.

Последними защитниками Северной Трои были раны. Их земля была самой северной частью славянского Полабья. Последний оплот Северной Трои, столица Полабских славян город Аркона, пал 12 июня 1168 года.

Защищая столицу, пали непосредственные защитники Арконы. А те, кто уходил на восток, уходили уже с осознанием того, что противостоять такому противнику, как германцы, можно только имея подобный уровень организованности и умения вести сражения.

Официальная историография по причине отсутствия собственных письменных источников по истории славян раннего периода, чем это отражено в «Повести временных лет» прибегает к различного рода спекуляциям в трактовке не только отдельных исторических событий, но и истории в целом. До сих пор для нас является загадкой феномен возникновения ВКЛ. Не меньшим феноменом является и то, почему в разных местах, разделенных расстоянием в 700 км, текут две реки с одинаковым названием. Кроме того, в этом же регионе ряд других гидронимов и топонимов звучат абсолютно одинаково. И, самое главное, по берегам одной из этих рек в Полабье когда-то жило славянское племя чрезпинян, а по берегам другой реки, но в Полесье, живет народ почти с таким же названием как тогда в Полабье, но уже в наше время.

Возникает резонный вопрос почему историки столь тщательно игнорируют очевидную связь между этими двумя феноменами. При этом речь идет не только о представлениях школы печально известного Лаврентия Абецедарского, но и историках, которые стоят на позициях современной, прогрессивной концепции истории нашего народа и государства. Камнем преткновения в споре двух концепций является понятие Литва и как этноним, и как топоним и как государственное образование. Предки теперешних литовцев к тому моменту, когда возникла Литва как государственное образование находились еще на таком уровне развития, что были не способны на это. Ведь Ягайло крестил их только после 1386 года, когда стал королем польским. Как государственное образование в форме раннефеодального княжества Литва зафиксирована в письменных источниках на славянских землях Новогрудчины с центром в Новогрудке, а не на территории теперешней Литвы. Считается, что Миндовг является основателем государственного образования Литва. Но еще до того, как он стал великим князем в 1246 году некий Рушкович (обратите внимание на его имя) во главе отряда со стороны Новогрудчины совершает набег на Волынскую Пересопницу. Причем зафиксировано, что пиняне свободно пропускают его через свою землю. Откуда может быть такая лояльность пинян к Рушковичу? А не оттуда ли, что когда вы ознакомитесь с историческими документами по средневековому Пинску, то там вы найдете едва ли не большую часть патронимов обитателей Пинска с окончанием на – ич. Это и Протасович, и Лучич, и Цеханович, и Шумович, и Довнарлович, и Васкович, и Малахович, и Буневич, и Юрович. Перечень можно продолжить, но я полагаю, что достаточно и этого. Заметим попутно, что пиняне принесли на свою новую родину не только названия рек, озер, селений, но и свои имена. И с Рушковичем договаривались они, по-видимому, на одном и том же языке.

Последние защитники «Северной Трои» уходили туда же, куда и южные соседи – на восток. На восток уходили не просто беженцы, уходили воины со своими семьями. Я подчеркиваю воины, потому что у современных белорусских историков есть предположение, что литвой могли называть воинскую дружину или же военное сословие – рыцарей. Чего никак не могло быть на то время у предков теперешних литовцев, потому что военное сословие – это уже принадлежность государственного института.

Разбежка во времени между падением столицы Северной Трои (1168 г.) и походом Рушковича на Пересопницу (1246 г.) – 78 лет. Но это приблизительно. Вне всякого сомнения что этот отрезок времени на новой родине защитников «Северной Трои» не был историческим вакуумом. Особенно если учесть, что Литва Миндовга с самого начала продемонстрировала все признаки сильного в государственном отношении объединения. Значит был какой-то фактор, который способствовал этому процессу. Альтернативы здесь быть не может. Только приход на берега Немана защитников «Северной Трои» мог стать катализатором ускорения исторического процесса. А по времени Рушковичи, Лучичи, Васкович, Юровичи – это сыновья защитников «Северной Трои». И они, как в свое время защитники Южной Трои во главе с Энеем вынуждены были покинуть свою родину, уйти к берегам Аппенин и, заложив город на Тибре, стать родоначальниками римлян, стали у основания государственного объединения, которое мы называем ВКЛ. Именно период с момента падения Арконы и первыми письменными сообщениями о предшественниках Миндовга следует считать началом зарождения нашей государственности.

В свое время литовцы, когда они были еще жмудью решили, что они потомки римлян. Это случилось после их крещения Ягайлом, когда они впервые познакомились с латинской, которая в то время была языком католической церкви. Это не удивительно, потому что даже сейчас не все европейцы знают, что по языку они родня. А что могла знать об этом Жмудь в конце XIV века, когда сам Ягайло был неопитом и, даже будучи королем, сохранял языческие привычки. Найдя общие элементы в балтском языке и латыни и придя к заключению что жмудины потомки римлян, они решили обосновать это и исторически. И вот рождается легенда о Палемоне. Суть этой легенды в том, что какой-то воинский отряд римлян во главе с Палемоном забрел в земли жемойтов, заблудился там, не смог оттуда выбраться, осел и от него «пошла есть Литва». А чтобы объяснить название Литва, авторы этой легенды стали манипулировать словом Италия, переставляя в нем буквы. Получили сначала Литалия, а отсюда Литва. А почему бы не Лютва, а потом Литва? Ведь это проще, потому что логичнее. Таким образом Жмудь стала Литвой. Автор легенды про Палемона известен. Это Длугош. А потом эту легенду подхватил Стрийковский. Вообще-то можно допустить, что в основе этой легенды лежит миф, связанный с реальными историческими событиями. Тем более, что сюжет развивается по классическому сценарию, свойственному античным авторам. Скажем, был отряд воинов, был. Но очень сомнительно, чтобы это был отряд римлян. Не мог он оторваться на более чем 700 км от своей базы на германских землях, потому что его

непрерывно постигла бы участь «5-го легиона Вара». И потом, к тому моменту, когда жемайты могли зафиксировать в устной памяти приход отряда римлян, Римской империи как таковой уже не существовало. Но отряд мог прийти действительно. И мудрить с названием отряда пришельцев не надо бы. Потому что это были не римляне, а отряд полабских лютичей (Лютвы) – защитников Северной Трои. И не было там Палемонов. Кстати, имя Палемон ассоциируется больше с греками, чем с римлянами. А были в отряде Рушковичи, Будкевичи, Родичи, Домнич, Бабичи, Бондичи, Лосичи, Хомичи. Ряд этот можно продолжить и далее. В Полабье было несколько межплеменных славянских объединений. Так вот как раз чрезпиняне и входили в союз Лютичей (Лютвы).

Античная Троя была разрушена, но благодаря Гомеру героями на все века стали ее защитники, а не разрушители ахейцы. Последние защитники гомеровской Трои ушли на новое место и стали основателями Рима – будущей столицы Римской империи. Как гордились древние римляне, так и современные итальянцы гордятся основателями соевой столицы.

Защитники «Северной Трои» не только повторили, но и превзошли подвиг гомеровских троянцев, потому что они защищали свою «Трою» не десять, а триста лет. И они тоже стали у колыбели государстве, которое в свое время простиралось от Балтийского до Черного моря и мало чем уступала по размерам европейской части Римской империи. Логично спросить у наших официальных историографов – это что миф? Когда Шлиман приступал к раскопкам Трои, память о ней сохранилась только в произведении Гомера. У северных троянцев, чтобы воспеть их подвиг и трагедию Гомера не оказалось. Но следов своей деятельности они оставили не меньше чем южане. Это точные и предполагаемые даты, это названия не одной только «Северной Трои» - Арконы, а целого ряда городов и селений, названия рек, названия отдельных племен и племенных объединений, которые защищали свою Трою. И, наконец, точное место куда ушли ее защитники. При этом они унесли с собой в это место название соевой реки, названия озер, названия селений, свои собственные имена и свой код – название племени. Код этот – Пина. И если в Полабье южные соседи называли их Чрезпинянами, а это были Укры и Доленцы, то теперь они пиняне (или пинчуки) потому, что живут по обе стороны Пины.